

Article No. 322

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2024.11.05>

Artykuł badawczy / Research article

Dziedzina nauk humanistycznych / Humanities

Dyscyplina naukowa: literaturoznawstwo / Discipline of science: literary studies

Copyright © 2024 SRG and S. Padsasonny¹

Citation:

Padsasonny, S. (2024). Трансформация поэтики русской «лагерной прозы» – от литературы факта к литературной мистификации. *Studia Rossica Gedanensia*, 11: 78–92. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2024.11.05>

Padsasonny, S. (2024). Transformacją poëтики rusckoj “lagernoj prozy” – ot literatury fakta k literaturnoj mistifikacii. *Studia Rossica Gedanensia*, 11: 78–92. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2024.11.05>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЭТИКИ РУССКОЙ «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ» – ОТ ЛИТЕРАТУРЫ ФАКТА К ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski / University of Warsaw

Wydział Lingwistyki Stosowanej / Faculty of Applied Linguistics

Instytut Lingwistyki Stosowanej / Institute of Applied Linguistics

ul. Dobra 55, 00-311 Warszawa, Polska / Dobra St., 55, 00-311 Warsaw, Poland

Corresponding Author e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9527-7878>

(nadesłano / received 25.09.2024; zaakceptowano / accepted 2.10.2024)

Abstract

The transformation of the poetics of Russian “camp prose” – from literature of fact to literary mystification

The article presents the transformation of literary texts of Russian literature about the persecution and imprisonment. It traces the movement from the Old Russian tradi-

¹ This is an Open-Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Languages [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny].

tion to the present. The historical and cultural review made it possible to identify the foundations of the formation of camp prose as a separate phenomenon in the 20th century literature. The study identifies the main features of this concept. Camp prose is in continuous development.

Keywords: camp prose, political persecution, Russian literature, poetics, history, culture, literary theory.

Резюме

В статье представлен путь трансформации «лагерной прозы» в русской литературе. Отмечены факты политического преследования в историческом развитии от древнерусской литературной традиции до современности. Это позволило проследить особенности формирования поэтики данного типа текстов с особым углублением в XX веке, когда утвердился литературоведческий термин «лагерная проза». Автор указывает главные особенности данного феномена, а также приводит примеры того, как такая литература предстает в развитии, являясь окончательно не сформированным типом в силу объективных исторических причин.

Ключевые слова: «лагерная проза», политическое преследование, русская литература, поэтика, история, культура, теория литературы.

Приступая к рассмотрению нашей темы, необходимо представить определение понятия «лагерная проза», что, однако, не является простой задачей. Сам термин введен в литературоведческий обиход только во второй половине XX века, хотя более широкое смысловое сочетание «лагерная тема» ранее употребил еще В.Т. Шаламов, который также говорил о данном феномене как о «новой прозе». В первой обзорной публикации по изучаемому вопросу *Эта тема пришла...* И.Н. Сухих в журнале «Звезда» читаем, что это не совсем литература:

Действительно, крик боли невозможно оформить по законам музыкальной гармонии, пережитую трагедию трудно трансформировать в привычный литературный «сюжет». Это одна из тех исторических ситуаций, одна из тем, где «кончается искусство, и дышат почва и судьба». Авторы «новой прозы», Вергилии тридцатых – пятидесятых годов двадцатого века, ведут читателя по ступеням будничного ада (Сухих 1989а).

Опираясь на исследовательский опыт ряда литературоведов (О.В. Васильевой, Е.В. Волковой, В.В. Есипова, Л.В. Жаравиной, Ю.В. Маловой, А.В. Сафронова и др.), Л.С. Старикова предлагает следующее определение:

Лагерная проза – тематическое направление в русском литературном процессе конца 50-х – 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), обладающее следующими чертами: общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер;

документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философские осмысления человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом (Старикова 2015: 169).

Это только одна из дефиниций, которая принята нами в качестве семантического ориентира.

Обратим внимание, что в ряде определений «лагерной прозы» фигурирует именно авторский опыт прошлого века, что переносит соответствующий реалистический событийный ряд в поэтику текстов этого периода. Безусловно, данная тема проходит актуализацию в XX столетии в свете объективных исторических обстоятельств, но это не означает ее отсутствия в литературном наследии ранее и позже. Также И.Н. Сухих в своей публикации проводит хрестоматийную связь с *Записками из мертвого дома* Ф.М. Достоевского, ставшими символом каторжной действительности XIX века. Подробные и новейшие примечания о создании данного произведения и его особенностях можно найти в ныне выходящем *Полном собрании сочинений и писем в тридцати пяти томах* писателя (Достоевский 2015: 328–404). Как отмечено, произведение Достоевского еще в «Русском мире» от 31 декабря 1861 года называлось «новым словом в нашей литературе» (Там же: 335). Фактология пережитых реалий, существующие прототипы трансформировались автором в художественное произведение и образы, формируя особый тип поэтики. Мемуарность прозы, ее документальный характер разрушаются беллетристической факта, в то же время личные воспоминания и переживания делают текст не просто литературой, а портретированием самой жизни. Литературная мистификация присутствует уже в этом произведении, но она имеет узнаваемую автобиографическую основу. В записках Достоевский сравнивает острог с адом, в котором разрушается человек: «Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются загрубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и наконец сладки самые ненормальные явления» (Там же: 171). Публицистическая фактурность выступает проблематической основой построения метафизики художественной реальности. Ю.В. Малова не только детально анализирует термин «лагерной прозы» в литературоведении, но и четко разграничивает собственно «лагерную прозу» XX века и «каторжную прозу» XIX века (Ф.М. Достоевского, П.Ф. Якубовича, А.П. Чехова), когда вторая выступает «прообразом» первой (Малова 2003: 19–110). Авторы XIX века здесь действуют как жанровые новаторы в литературе, но сама по себе тема не является их открытием, она углубляется и переосмысливается, обрамляется тонким психологизмом. Исключительно преследование политических оппонентов становилось и ранее предметом описания и обсуждения в литературном наследии.

В XX веке «лагерная тема» мировой литературы включила в себя не только опыт узников сталинских, но и нацистских лагерей. Немецкий философ Теодор Адорно в работе *Негативная диалектика* рассуждает о метафизике зла в контексте посткатастроф, «после Освенцима»:

Освенцим утвердил философему чистой тождественности, которая есть смерть. Самое показательное изречение из финала Беккета: не так уж много на свете того, чего следует бояться в этом мире, является результатом практики, впервые опробованной в лагерях; в практике такого рода понятие, когда-то достойное уважения, телеологически отслеживает уничтожение нетождественного (Адорно 2003).

Данную мысль продолжает исследовать Д.А. Ардамацкая, которая писала о «поэтике после ГУЛАГа» в прозе В.Т. Шаламова:

Так, в 90-х гг. XX в. во Франции возникло самостоятельное направление «эстетика исчезновения» (а применительно к текстам выживших узников лагерей – «эстетика Лазаря»), призванное не просто проанализировать массив художественных высказываний о лагерях смерти и преступлениях фашизма, но стремящееся осмыслить излом чувственности, который произошел в середине XX века в Европе, пережившей катастрофу (Ардамацкая 2013: 137).

Для немецкого общественного сознания в послевоенное время характерно понятие «преодоление прошлого», то есть проработка травм целых поколений. Если же выйти за границы европейского культурного пространства, то подобные категории присущи и другим античеловеческим режимам мировой истории, как например, «Красные кхмеры» в Камбодже или «Военная хунта» в Чили во второй половине прошлого века и др. Художественное оформление данных исторических травм имеет свои особенности в каждой культуре.

Преследование по политическим мотивам широко известно в древнерусской истории и литературе. Таким ярчайшим примером является памятник XI века *Сказание о Борисе и Глебе*, сюжет которого рассказывает об убийстве сыновей Владимира Крестителя их братом Ярополком. Исторический факт трансформируется в легендарную основу для культурного кода о страстотерпцах и первых русских святых. И уже в этом произведении в центр закладывается литературный мотив страдания как базовый для мученика, мотив, который входит в поэтику данной темы, а затем и всего типа прозы. Безусловно, это точное следование общей христианской традиции, где сам Христос, по сути, подвергается политическому преследованию и казни. Таким образом, древнерусская литература включает в себя некоторые семантические послы будущей «лагерной прозы»: неприятие инакомыслия, враждебность по отношению к иному, преследование, страдание и фиксирование несправедливости, но на раннем этапе без автобиографической составляющей и без топоса неволи, который лежит в основе исследуемого понятия.

Историческую хронику политических преследований представляет в своей новой *Истории Российского Государства* (10 томов вышло в 2023–24 гг.) Борис Акунин, который также приводит примеры, начиная со времен Киевской Руси. Давление власти и отражение этого явления в памятниках имеет нарастающий характер в связи с развитием письменности, с одной стороны, а также с усилением авторитарной деформации государственности, с другой стороны. Политическая эмиграция известна в русской и мировой истории с древних времен, и можно найти примеры подобного перемещения в обоих направлениях. Есть также примеры эмиграции из одного княжества в другое внутри государства.

Еще Ярослав Мудрый принимал в Киевской Руси беглецов – Олафа Норвежского или англосаксонского принца Эдуарда Изгнанника. Преемник Ярослава, Изяслав, был вынужден бежать в Польшу к своему зятю Болеславу II, откуда вернулся с войском, но не смог удержать власть, а затем скитался в поисках помощи у германского императора Генриха IV, Папы Григория VII, а потом снова Болеслава, что помогло в итоге ему вернуться на княжеский престол, но ненадолго. В то же время внук Ярослава – Олег Святославич («Гориславич»), борющийся за власть с Изяславом, также попал в опалу и был вынужден покинуть родные земли; сначала он отправился в Тмутаракань, но оттуда попал к грекам. Борис Акунин, который детально останавливается на перечисленных случаях политической эмиграции, замечает, что «Византия охотно принимала политических ссыльных из числа чужеземных „архонтов”, которых можно было приручить и при случае использовать в своих интересах»; и пишет о польской помощи: «Предприятие сулило полякам большую добычу» (Акунин 2023а: 399, 403). Стал изгнанником руками своего брата Андрея Боголюбского и будущий великий князь Всеволод вместе с семьей: «Эмигрантов принял родственник, византийский император Мануил. Таким образом, будущий великий князь был человеком греческого воспитания – его взгляды и вкусы сформировались в Константинополе» (Акунин 2023а: 498–499). Далее Борис Акунин подытоживает:

Рюриковичи не чувствовали себя в Константинополе чужими, поскольку имели там родню. В Византию по-семейному высылали с Руси непутевых или докучливых родственников, и они находили там хороший прием. Иногда возвращались обратно, иногда оставались навсегда. Русь тоже давала пристанище опальным греческим царевичам вроде Льва Диогена или Андроника Комнина (Акунин 2023а: 551).

Продолжилась и несколько расширилась по объективным причинам эмиграция и в период монгольского нашествия: например, Михаил Черниговский «уехал из Киева в Венгрию, где понемногу скапливались беглецы от монгольского нашествия» (Акунин 2023b: 142–143). Именно прием эмигрантов станет одной из претензий Бату-хана к принимавшему изгнанников королю Бэле IV (Акунин 2023b: 147). Спасался от монголов в Швеции и Андрей Суздальский, брат Александра Невского. Последний, кстати, и сам изгнал своего сына.

В период противостояния между Тверью и Москвой уже в XIV веке микулинский князь Михаил Александрович бежал к своему зятю Ольгерду в Литву, туда же бежали и другие представители рода в расчете на поддержку и военную помощь для противостояния усиливающейся Москве.

Иван III даже ввел ограничения на выезд для боярства, так как усмотрел угрозу в дозволенной ранее свободной эмиграции; теперь нужно было письменно дать клятву, что не покинешь государя. Создается прецедент, так как иные действия будут считаться нарушением верности, предательством правителя и страны. Борис Акунин замечает:

По сути дела, это означало, что аристократия утрачивала личную свободу, будучи привязана к службе и государственной милости. Движение к крепостному праву началось с высших слоев общества: первыми «крепостными» – намного раньше, чем крестьяне – стали знатнейшие люди государства (Акунин 2023с: 87).

Имеются примеры и предательства в другую сторону. Так, Михаил Глинский изменил Сигизмунду и вступил в переписку с Москвой, где уже правил Василий Иванович.

Одним из пиковых моментов русской истории является 1564 год – падение «Избранной рады» и начало преследования ее членов, что открывает дальнейшую дорогу к мраку опричнины Ивана Грозного. О 1564 годе известная диссидентка современности В.И. Новодворская писала в работе *Мой Карфаген обязан быть разрушен*: «Начинается, можно сказать, 37 год, и начинается он в 1564 году. Это 37 год минус красные звезды, серпы и молотки, минус идеология, но он фактически повторяет 37-й по своим главным параметрам, вплоть до создания Внутренней партии» (Новодворская 2015b: 130). Устроенная Иваном Грозным опричнина начинает свою деятельность. В.И. Новодворская продолжала: «Сначала – опричники, потом ВЧК, потом НКВД, потом – КГБ и дальше прибавляйте сами, кто еще может постучаться» (Новодворская 2015b: 133). Откровенно противится действиям Ивана Грозного митрополит Филипп Кольчев, который осмеливается на публичное неприятие жестокости правителя. За это духовного лидера ожидала трагическая судьба и финальная расправа руками, вероятно, верного опричника Малюты Скуратова. Иного рода противостояние князя Андрея Курбского: он покинул страну и решился не только сражаться против нее, зная все слабые места, но и писать личные письма правителю. Именно эти две исторические фигуры для В.И. Новодворской представляют собой переломный момент в истории преследований инакомыслия в Москве: «Здесь развилка. Здесь рождается западничество, и здесь рождается славянофильство. Здесь рождаются Соппротивление и Эмиграция. Два диссидента XVI века, два блестящих диссидента – митрополит Филипп Кольчев и Андрей Курбский – идут совершенно разными путями» (Новодворская 2015b: 133). Происходит окончательное формирование и оформление механизма политического преследования: диссидент внутри страны, который попадает под репрессии, а зачастую и казнь или убийство; либо диссидент на пути политического эмигранта, который продолжает свою борьбу за ее пределами, но официальной идеологией объявляется государственным изменником, хотя и для него также нет гарантий сохранения жизни (как, например, в известном случае с Л.Д. Троцким уже в XX веке). Добавим, что В.И. Новодворская избрала первый путь, оказавшись жертвой политического насилия, о чем детально рассказала в своей автобиографии *Прощание славянки* (Новодворская 2015a: 9–331).

Данная формула, модель диссидентства отныне оформляется в архетип русской истории, закрепляется на протяжении веков, проявляясь также в современности. Осмелившийся выступить против власти имеет два драматических пути: расправа за бунт внутри страны либо изгнание. Приведем лишь несколько знаковых примеров из истории.

В XVII веке гонения на старообрядцев как на инакомыслящих станут также поводом для массовой политической эмиграции. Этому вопросу значительное место посвящает Н.Ф. Усков в книге *Неизвестная Россия. История, которая вас удивит* (Усков 2014). Протопоп Аввакум – пример первого политического заключенного. Текст его *Жития...* впервые представляет собой автобиографи-

ческую документалистику о неволе. Необходимо подчеркнуть, что произведение относится к позднему Средневековью, но даже для того времени страдания автора-героя в яме, во время ссылки с семьей в Сибирь и в остроге выходят за границы социальной нормальности. И это уже литературно оформленная тема несвободы, когда автор является повествователем собственной боли, выступающей литературным мотивом, со всеми деталями. Текст четко вписывается в средневековую поэтику страстотерпца, являясь при этом ярким описанием натуралистического быта в неволе. Элемент документалистики своего периода выступает еще одним смысловым узлом, который будет положен позже в основу раскрытия «лагерной темы».

Продолжит расправы со староверами и Петр Первый. Хотя он отличался жестокостью не только в этом вопросе. Например, своего сына, царевича Алексея, отказавшегося от престола и бежавшего за границу, Петр Первый приказал вернуть в Россию, что обманным путем и сделали, а затем отец лично провел допрос; наследник был лишен права на престол и приговорен к смертной казни как изменник; загадочно умер в Петропавловской крепости до исполнения приговора. Борис Акунин, рассказывая детали данной истории, подводит итог:

Скорее всего правы те историки, кто полагает, что Алексея умертвили. Но если он умер и сам по себе, вследствие перенесенных пыток, все равно виноват в этом Петр, второй сыноубийца среди русских царей после Ивана Грозного (но тот хоть пролил кровь наследника сгоряча и, в общем, ненамеренно) (Акунин 2023d: 85).

Известна и трагическая судьба А.Н. Радищева, арестованного и сосланного за его *Путешествие из Петербурга в Москву*, после прочтения которого Екатерина Вторая назвала писателя «бунтовщиком, хуже Пугачева». Литературная правда обернулась политическим преследованием.

Расправа за восстание ждала также декабристов Сенатской площади 1825 года. На последнее обращал внимание Ю.М. Лотман в книге *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, детально остановившийся на описании декабриста в жизни эпохи (Лотман 2015: 44–518). Реализация идей приносит трагические результаты. Примером прозы из ссылки выступают мемуары декабристов, тексты которых не лишены патетических настроений и романтического пафоса (Федоров 1981). Тема ссылки появилось в хрестоматийном стихотворении А.С. Пушкина *Во глубине сибирских руд...*, которое поэт писал как послание друзьям-декабристам в 1827 году (Пушкин 1981: 97). Проблема политической неволи в поэтическом тексте пронизана мотивом страдания «во глубине сибирских руд». Пушкинские «надежда» и «любовь» восприняты декабристами как сигнал к действию, а «меч», воплотивший возвращение гражданских прав, был истолкован как орудие бунта. А.И. Одоевский написал поэтический ответ под названием *Струн вещей пламенные звуки*, в котором обещает: «Мечи скуем мы из цепей...» (Одоевский). Данные примеры вольнолюбивой лирики не отражают детали быта каторги, но выступают синтезом настроений декабристов-каторжников. Романтический пафос сохранения человеческой гордости контрастирует с реальностью жизни в остроге в *Записках...* Ф.М. Достоевского и еще более усилен в произведениях XX и XXI веков,

когда каждый последующий этап противопоставлен предыдущему по принципу усиления человеческого страдания. И это также определенный элемент поэтики «лагерной прозы».

Соответственно, политические преследования нарастали в Николаевскую эпоху и позже. Отметим, что это период ссылки Ф.М. Достоевского. И по сути – реальное начало в литературе «каторжной прозы», ибо перечисленные нами ранее исторические примеры, литературные темы, отдельные тексты всё еще не выступали таковым явлением, но послужили, без всякого сомнения, фрагментарными смысловыми точками в оформлении данного типа литературы в отдельный вид и повлияли на оформление ее поэтики.

События, которые становятся прямым посылом для «каторжной прозы», находят место в польской, белорусской, украинской, литовской истории. Такой почвой стали национально-освободительные восстания 1830–31 гг. и 1863–64 гг., названные обобщенно в российской историографии «польскими». Результатами их поражения были и политическое преследование, и казни, и последующая политическая эмиграция. В рассматриваемой нами теме данные события интересны оставленными свидетельствами. Назовем *Сибирскую тетрадь* Юзефа Богуславского, который пребывал на каторге вместе с Ф.М. Достоевским (Wedemann 2010: 245–249). У обоих авторов встречаются перекрестные воспоминания, которые дополняют информацию об их неволе, хотя у польского заключенного это всего лишь короткие обрывочные заметки. Как и позже в случае с эпистолярным наследием из заключения (*Листы з-над шыбеніцы*) белорусского национального героя, диктатора восстания 1863–64 гг. Кастуся Калиновского, арестованного и повешенного в Вильне. Данные послания посвящены не описанию быта и терпения, но направлены на поднятие боевого духа повстанцев, передачу политических и патриотических идей и взглядов арестанта (Герасімчык 2018: 203–205).

Волнообразное правление в истории России характеризуется именно оттепелями и террором, которые сменяют друг друга. Отмеченный в древнерусской литературной традиции мотив страдания – сквозной для такого типа текстов. Заключенные у Ф.М. Достоевского и представлены как страдальцы за некую высшую духовную правду. Средневековая жестокость как норма действительности проходит через ренессансную трансформацию в нравственных принципах гуманистической культуры XIX века. Именно поэтому жестокость у Ф.М. Достоевского шокирует читателя, потрясает. То же самое можно сказать и о судьбах, описанных в очерках *Остров Сахалин* А.П. Чехова. Если Ф.М. Достоевский выступал наблюдателем-соучастником, то А.П. Чехов – только наблюдателем, хотя и на месте событий; также у первого жанровая художественность, игра метатекстуальностью и мистификацией заключены в форме текста, чего не использует второй автор.

Уже в советской действительности жестокость к так называемым врагам выступает нормой и даже наделяется пафосом героики. При этом художественная антиутопия (*Село Степанчиково и его обитатели*, *Бесы* или глава *Великий инквизитор* Ф.М. Достоевского) превращается в антиутопию в действии. Происходит постепенное размывание мотивов арестов, когда нет причинно-следствен-

ной связи и законодательного обоснования, на что детально обращал внимание А.И. Солженицын в книге *Архипелаг ГУЛАГ*.

Политическое преследование и «красный террор» начинаются фактически в процессе Октябрьской революции 1917 года и сразу после нее, что нашло отражение в «лагерной прозе». Ярким примером послужит описание женского страдания А.Л. Толстой, дочери писателя Л.Н. Толстого, прошедшей через аресты (впервые в 1919 году), концлагерь, а затем покинувшей страну в 1929 году. Всё это мы найдем в ее воспоминаниях, а также в автобиографическом романе *Дождь*, вышедшем в 1979 году. Художественная ценность данной книги является условной, но именно повествование факта и личность автора определяют ее значимость (Толстая 2001). Разрушение старого мира и новая действительность ужасают, но это еще не полномасштабное уничтожение человека нравственно и физически в литературном смысле, что отражено в произведениях о дальнейшем терроре.

«Лагерная проза» второй половины XX века стала насыщенной по жанровой разнообразности различных авторов (Г.Н. Владимов, О.В. Волков, Е.С. Гинзбург, В.С. Гроссман, С.Д. Довлатов, А.В. Жигулин, В.Е. Максимов, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов и др.). Литературовед А.Ф. Сафронов писал, называя примеры:

«Лагерная проза» представлена в жанрах мемуаров, дневников, записок, воспоминаний, автобиографий (О. Волков *Погружение во тьму*, Е. Гинзбург *Крутой маршрут*, А. Жигулин *Черные камни*, А. Синявский *Голос из хора*, В. Шаламов *Колымские рассказы*, А. Солженицын *Архипелаг ГУЛАГ* и др.) (Сафронов 2012: 49).

Безусловно, центральным автором данного направления стал нобелевский лауреат по литературе (1970 г.) А.И. Солженицын, который совместил целый спектр видов такой прозы, начиная от *Одного дня Ивана Денисовича*, но с кульминацией в *Архипелаге ГУЛАГе*. В то же время у В.Т. Шаламова художественный элемент выстроен значительно сильнее. И.В. Некрасова выводит отличительную характеристику для обоих авторов:

Есть писатели, которые стремятся с наибольшей полнотой показать «всю правду» лагерей и тюрем. Таких некоторые критики причисляют к «реально-историческому» направлению лагерной прозы. Родоначальником этого направления в литературе XX века считается по праву А.И. Солженицын. Другое направление, называемое «экзистенциальным», отличается авторским стремлением исследовать «человека в предельной ситуации» (Некрасова 2003).

Поэтика произведений В.Т. Шаламова целиком подчинена изображению разрушения человеческого начала. Детали и символы проработаны автором, не являются случайными. И здесь писатель больше приближен к Ф.М. Достоевскому, который не раз упоминается напрямую в *Колымских рассказах*, но с нивелированием значения страданий его времени. Так, в рассказе *Термометр Гришки Логуна* читаем: «В Мертвом доме не было Колымы. Достоевского постигла бы немота, та самая немота, которая не дала мне писать заявление Зуеву» (Шаламов 1978: 140). На антитезе выстроил свое упоминание писателя и А.И. Солженицын, который в III части *Архипелага ГУЛАГа* писал: «Что до омской каторги Достоевского, то там вообще бездельничали, как легко установит всякий чи-

татель. Работа у них шла в охотку, впритруску, и начальство даже одевало их в *белые* полотняные куртки и панталоны!» (Солженицын 2023: 195). В данном случае мы имеем дело с историческим фактом, когда физическое и психическое насилие над человеком претерпевает эволюцию в направлении усиления, что и отражено в более поздних литературных текстах «лагерной прозы», что, как мы отмечали выше, выступает характерной чертой ее поэтики.

Е.С. Гинзбург помещает повествование в рамку автобиографического опыта. Художественность при этом не уступает фактическим деталям, обширная хроника насыщена событийностью, имеет выстроенную драматургию, оригинальный стиль (Гинзбург 2018). Достаточно похожая манера в книге *Исповедь (Споведзь)* белорусской писательницы, прошедшей лагеря, Ларисы Гениуш. Личный опыт и боль утрат звучат как признания и самоанализ, лагерный опыт является главным, но не единственным эпизодом книги (Гениуш). Считаем необходимым отметить данный текст, так как генезис описываемого террора имеет отношение к той же самой тоталитарной системе, выходя за пределы исключительно национальных характеристик. И.Н. Сухих писал: «Развертывающаяся как безыскусное автобиографическое повествование „новая проза” все время выводит на ключевые вопросы о природе человека и человеческого» (Сухих 1989b). Это то, что ее характеризует с момента появления на уровне тематических элементов в поэтике произведения. Л.С. Старикова заметила: «Рефлексия и память о пережитом становятся основой для написания произведений, воплощающих запредельный опыт человека в абсурдной реальности» (Старикова 2015: 169). Несколько иного уровня *Архипелаг ГУЛАГ* А.И. Солженицына, который не ретранслирует исключительно собственную историю, но расширяет ее до эпического обобщения эпохи. Перед нами, скорее, исследование, отличающееся публицистическим стилем, нежели художественностью изложения, произведение, вмещающее жанровое многообразие в цельной монотематике повествования. Все названные тексты служат не только предметом литературоведческого изучения, но и выступают основой для современных исторических изысканий, как, например, *ГУЛАГ. Паутина Большого террора* современной американско-британской писательницы и публицистки Энн Эпплбаум, получившей за книгу «Пулицеровскую премию» (Эпплбаум 2006). Также и художественная литература рассмотрена автором через призму фактов, статистических данных, документальной фактуры и используется как авторитетное подтверждение наблюдений тех, кто прошел через опыт неволи.

Включение в дефиницию «лагерной прозы» произведений лишь авторов второй половины XX века ставит под сомнение автобиографическая книга белорусского политического деятеля, драматурга, писателя и журналиста Франтишека Олехновича *В когтях ГПУ (У капцюрох ГПУ)*, которая появилась еще в 1934 году (Аляхнович) – за четверть столетия до *Архипелага ГУЛАГа* Солженицына и других произведений «лагерной прозы». Большой террор коснулся многих народов, а потому разнообразные по стилю и жанровым особенностям письменные свидетельства очевидцев представляют собой более широкий материал для изучения.

Литературовед И.Н. Сухих замечал: «Проблемы, о которых говорят, кричат авторы „новой прозы“, конечно, в „стертом“ виде существуют, к сожалению, и сегодня. Так что это не просто „литература памяти“» (Сухих 1989а). Отметим, что эти слова написаны в конце 80-х годов прошлого века, а вот последующие годы и нынешний XXI век стал трагическим продолжателем политического насилия, а соответственно и очередным витком в развитии «лагерной прозы». Посттоталитарный мир европейской истории ненадолго вернул в широкое общественное сознание ценность гуманистической этики, но современная идеология уже производит подмену полюсов в оценках поступков и действительности, ведет к политическому популизму. Сегодняшняя Россия, как известно, далека от комфортной деятельности любых оппонентов власти. Для инакомыслящих на законодательном уровне используется термин «иностранный агент». Известный оппозиционный политик А.А. Навальный осмелился нарушить «канон», сначала жестко критикуя власть, а затем после попытки его убийства и лечения в Германии вернувшись в Россию в 2021 году. Результат – 9 лет колонии, истязания и смерть 16 февраля 2024 года (своеобразный обмен на олигарха М.Б. Ходорковского, отсидевшего 10 лет в тюрьме и высланного из страны, как некогда А.И. Солженицына). В современных условиях свидетельствами из заключения стали блогерские материалы, переписка с близкими, видео, посты в социальных сетях, что делает читателя и зрителя свидетелем событий его времени здесь и сейчас, а не через какое-то, продолжительное, время, как это преимущественно происходит с повествованием в «лагерной прозе» XX века. Уже после смерти А.А. Навального 22 октября 2024 года одновременно на 26 языках вышла книга *Патриот* – его автобиография и дневники с момента задержания и почти до смерти в колонии (Nawalny 2024).

Побывав в российском плену, пройдя через давление и голодовку, приговоренная российским судом к 22 годам лишения свободы, позже помилованная лично В.В. Путиным, автобиографическую книгу *Сильное имя Надежда!* написала украинская военная летчица Надежда Савченко (Sawczenko 2016). Перед нами снова автобиографический текст со сниженной художественной ценностью, но демонстрирующий цикличность исторических процессов и схожесть литературных мотивов. Важной особенностью является то, что автор работала над книгой, находясь непосредственно в российской неволе. Свидетельства такого рода появляются в наши дни уже регулярно после каждого освобождения из российского плена украинских военных. И все эти факты еще требуют своей обработки и исследования.

Драматична сегодняшняя ситуация с белорусскими политическими заключенными, которые стали жертвами режима А.Г. Лукашенко, соратника российского президента и последователя советской исторической идеологии. Речь идет о более чем тридцатилетнем правлении Беларуси (с 1994 года). Белорусские политзаключенные написали ряд произведений из тюрьмы или после нее в самых разных жанрах. Здесь можно отметить книгу писем-заметок *Лісты з лесу*, изданную в 2007 году на белорусском языке, политического деятеля Павла Северинца (отбывает 7 лет лишения свободы на момент написания данного материала); книга *Мае турэмныя мury*, изданная на белорусском языке

в 2023 году, журналиста «Радио Свобода» Олега Груздзиловича (провел 9 месяцев в заключении и был освобожден в результате международного давления, выехал из страны); письма к родным и близким лауреата Нобелевской премии мира (2022 г.), правозащитника Алеся Беляцкого (отбывает 10 лет лишения свободы на момент написания данного материала); стихи для детей (адресованные, прежде всего, собственному сыну) как контраст тюремной реальности составили сборник *Пра сланоў і барсучкоў*, изданный на белорусском языке в 2022 году, журналиста Андрея Скурко (был приговорен к двум с половиной годам заключения; вышел на свободу 18 августа 2023 г.); иронико-комическое изображение тюремного мира (как у С.Д. Довлатова в *Зоне*, М.Н. Кураева в *Ночном дозоре*) в *Экзамероне*, изданном на белорусском языке в 2022 году, адвоката Максима Знака (отбывает 10 лет лишения свободы на момент написания данного материала). Список таких примеров может быть продолжен. Важным является то, что снова наблюдается дальнейшее развитие литературы факта и накладка художественности, совмещение мемуаристики и публицистики. Произведения данного типа также еще требуют своих детальных исследований.

Современный белорусский писатель, пишущий по-русски, Саша Филипенко занимается исследованием исторической памяти, обращается не только к изображению психологии жертв, но и палачей, что выступает характерным элементом современных литературных исканий (романы *Красный крест*, *Кремулятор*). Художественное и документальное выстраивают динамику сюжетов повествования. А вот современный российский прозаик С.С. Лебедев в романе *Предел забвения* подходит к осмыслению исторической памяти через «магический историзм» (термин А.М. Эткинда). Опираясь на данное понятие, С.Ю. Новикова замечает, что «...документальность и историзм „лагерной прозы” уступают у Лебедева мифологическому осмыслению реальности» (Новикова 2021: 195).

Постмодернистская эстетика позволила выйти за отмеченные границы действительности, а автор уже не обязательно является соучастником и не обращается к личному опыту, только на основе изученного исторического материала, собирания свидетельств и фактов деконструирует (в понимании Жака Дерриды) лагерную реальность или производит ее деструкцию (по Мартину Хайдеггеру). Таким примером является роман *Обитель* одиозного современного российского писателя Захара Прилепина. Мотивная структура в поэтике данного текста приближена к романам Ф.М. Достоевского, но в мифологизированных фиктивных реалиях лагеря разворачивается жанр нового типа приключенческого романа, который производит захватывающий эффект на читателя плутовским сюжетом (Прилепин 2015). Захар Прилепин, не являясь свидетелем или соучастником описываемых им событий, создает мифологизированный тип «лагерной прозы». А учитывая его симпатизирование сегодняшней российской власти и даже идеологии Сталина, можно предположить, что роман через такую мифологизацию служит инструментом создания романтизированного образа лагеря времен Большого террора, что искажает послы для восприятия исторической правды той эпохи. И в этом ключевое отличие от чистой литературной мистификации, на которую мы обратили внимание в *Записках...* Ф.М. Достоевского.

Как видим, тема достаточно обширная и проходит через историю, культуру, литературу с древнерусского периода до современности. Всё это требует комплексного взгляда и масштабного анализа, хотя, очевидно, нет объективной возможности рассмотреть весь существующий материал, относящийся к «лагерной прозе». Для нас было существенным показать исторический процесс, реальные обоснования того, как данная литература зарождалась, развивалась, оформляла свои жанровые особенности и черты поэтики, которая вбирала в себя особенности каждого периода. Связующий литературный мотив страдания может выступать здесь основой поэтики такого типа прозы. Наблюдается также движение от чистой историчности и публицистичности к художественности, а затем ее развенчанию и полной утрате в текстах автобиографического опыта, также мифологизации, определенной эстетикой постмодерна. Нельзя сказать, что «лагерная проза» – феномен исключительно русской литературы, скорее, речь идет о свидетельствах, касающихся политического террора, как явления мировой культуры. Главный посыл, что лагерная тематика и «лагерная проза» не прекращают своего существования, а представляет собой лишь очередной цикл, иную модификацию, что выступает негативной антропологической характеристикой трагической метафизики современности.

Bibliografia / References

- Adorno, T. (2003). *Negativnaâ dialektika*. (Online) <https://gtmarket.ru/library/basis/5512/5519> (dostup 11.08.2024) [Адорно, Т. (2003). *Негативная диалектика*. (Online) <https://gtmarket.ru/library/basis/5512/5519> (доступ 11.08.2024)].
- Akunin, B. (2023a). *Istoriâ Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestviâ. Čast' Evropy*. Т. 1. (Online) <https://babook.org> (dostup 16.08.2024) [Акунин, Б. (2023a). *История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы*. Т. 1. (Online) <https://babook.org> (доступ 16.08.2024)].
- Akunin, B. (2023b). *Istoriâ Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period. Čast' Azii*. Т. 2. (Online) <https://babook.org> (dostup 16.08.2024) [Акунин, Б. (2023b). *История Российского государства. Ордынский период. Часть Азии*. Т. 2. (Online) <https://babook.org> (доступ 16.08.2024)].
- Akunin, B. (2023c). *Istoriâ Rossijskogo gosudarstva. Ot Ivana III do Borisa Godunova. Meždu Evropoj i Aziej*. Т. 3. (Online) <https://babook.org> (dostup 16.08.2024) [Акунин, Б. (2023c). *История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. Между Европой и Азией*. Т. 3. (Online) <https://babook.org> (доступ 16.08.2024)].
- Akunin, B. (2023d). *Istoriâ Rossijskogo gosudarstva. Aziatskaâ evropeizaciâ. Car' Petr Alekseevič*. Т. 5. (Online) <https://babook.org> (dostup 16.08.2024) [Акунин, Б. (2023d). *История Российского государства. Азиатская европеизация. Царь Петр Алексеевич*. Т. 5. (Online) <https://babook.org> (доступ 16.08.2024)].
- Alâhnovič, F. *U kapciuroh GPU*. (Online) https://knihi.com/Francisak_Alachnovic/U_kapciuroch_HPU.html (dostup 18.08.2024) [Аляхновіч, Ф. *У капціюрох ГПУ*. (Online) https://knihi.com/Francisak_Alachnovic/U_kapciuroch_HPU.html (доступ 18.08.2024)].
- Ardamackaâ, D.A. (2013). Varlam Šalamov i poëtika posle GULAGa. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Puškina*, т. 2, № 2: 137–143 [Ардамацкая, Д.А. (2013). Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа. *Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина*, т. 2, № 2: 137–143].

- Ėpplbaum, Ė. (2006). *GULAG. Pautina Bolšogo terrora*. Moskava: Moskovskaâ škola političeskikh issledovanij [Эпплбаум, Э. (2006). *ГУЛАГ. Паутина Большого террора*. Москва: Московская школа политических исследований].
- Fëdorov, V.A. (1981). *Stat'i i kommentarii. V: Memuary dekabristov. Severnoe obščestvo*. Moskva: MGU [Федоров, В.А. (1981). *Статьи и комментарии. В: Мемуары декабристов. Северное общество*. Москва: МГУ].
- Geniuš, L. *Spovedz'*. (Online) <https://coollib.com/b/318225-laryisa-antonawna-geniyush-spovedz/read> (dostup 18.08.2024) [Геніюш, Л. *Сповідзь*. (Online) <https://coollib.com/b/318225-laryisa-antonawna-geniyush-spovedz/read> (доступ 18.08.2024)].
- Gerasimčyk, V.U. (2018). *Kanstancin Kalinoŭski: asoba i legenda*. Grodna: TAA "ŪrSaPrynt" [Герасімчык, В.У. (2018). *Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда*. Гродна: ТАА «ЮрСаПрынт»].
- Ginzburg, E.S. (2018). *Krutoj Maršrut. Hronika vremen kul'ta ličnosti*. Moskva: Agentstvo FTM [Гинзбург, Е.С. (2018). *Крутой Маршрут. Хроника времен культа личности*. Москва: Агентство ФТМ].
- Dostoevskij, F.M. (2015). *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati pāti tomah*. T. 4. Sankt-Peterburg: Nauka [Достоевский, Ф.М. (2015). *Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах*. Т. 4. Санкт-Петербург: Наука].
- Lotman, Ū.M. (2015). *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorânstva (XVIII – načalo XIX veka)*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus [Лотман, Ю.М. (2015). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус].
- Malova, Ū.V. (2003). *Stanovlenie i razvitie «lagernoj prozy» v russkoj literature XIX–XX vv.*: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N.P. Ogareva [Малова, Ю.В. (2003). *Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.*: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева].
- Nawalny, A.A. (2024). *Patriota. Autobiografia*. Wydawnictwo Literackie.
- Nekrasova, I.V. (2003). *Sud'ba i tvorčestvo Varlama Šalamova: monografiâ*. Samara: Izdatel'stvo SGPU. (Online) <https://shalamov.ru/research/158/2.html#n95> (dostup 16.08.2024) [Некрасова, И.В. (2003). *Судьба и творчество Варлама Шаламова: монография*. Самара: Издательство СГПУ. (Online) <https://shalamov.ru/research/158/2.html#n95> (доступ 16.08.2024)].
- Novodvorskaâ, V.I. (2015a). *Prošanie slavânki. Avtobiografiâ*. V: Novodvorskaâ, V.I. *Izbrannoe: v 3 t.* T. 1. Moskva: Zaharov: 9–331 [Новодворская, В.И. (2015a). *Прощание славянки. Автобиография*. В: Новодворская, В.И. *Избранное: в 3 т.* Т. 1. Москва: Захаров: 9–331].
- Novodvorskaâ, V.I. (2015). *Moj Karfagen obâzan byt' razrušen*. V: Novodvorskaâ, V.I. *Izbrannoe: v 3 t.* T. 3. Moskva: Zaharov: 5–286 [Новодворская, В.И. (2015). *Мой Карфаген обязан быть разрушен*. В: Новодворская, В.И. *Избранное: в 3 т.* Т. 3. Москва: Захаров: 5–286].
- Novikova, S.Ū. (2021). Roman *Predel zabvenîâ* (2011) Sergeâ Lebedeva: biografičeskij fakt i hudožestvennyj vymysel. *Čelovek: Obraz i suščnost'*, 3 (47): 182–199 [Новикова, С.Ю. (2021). Роман *Предел забвения* (2011) Сергея Лебедева: биографический факт и художественный вымысел. *Человек: Образ и сущность*, 3 (47): 182–199].
- Odoevskij, A.I. *Strun veših plamennye zvuki*. (Online) <https://russian-poetry.com/strun-veshhix-plamennye-zvuki/> (dostup 16.08.2024) [Одоевский, А.И. *Струн вещей пламенные звуки*. (Online) <https://russian-poetry.com/strun-veshhix-plamennye-zvuki/> (доступ 16.08.2024)].
- Prilepin, Z. (2015). *Obitel': roman*. Moskva: AST [Прилепин, З. (2015). *Обитель: роман*. Москва: АСТ].

- Puškin, A.S. (1981). *Sobranie sočinenij v desâti tomah*. T. 2. Moskva: Pravda [Пушкин, А.С. (1981). *Собрание сочинений в десяти томах*. Т. 2. Москва: Правда].
- Safronov, A.V. (2012). *Žanrovoe svoeobrazie ruskoj hudožestvennoj dokumentalistiki (očerk, memuary, «lagernaâ» proza): učebno-metodičeskoe posobie*. Râzan': Râzanskij gosudarstvennyj universitet im. S.A. Esenina [Сафронов, А.В. (2012). *Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза): учебно-методическое пособие*. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина].
- Sawczenko, N., (2016). *Nadia. Więzień Putina*. Warszawa: Od deski do deski.
- Solženicyн, A.I. (2023). *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt hudožestvennogo issledovaniâ*. Č. 3–4. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus [Солженицын, А.И. (2023). *Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования*. Ч. 3–4. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус].
- Starikova, L.S. (2015). «Lagernaâ proza» v kontekste ruskoj literatury XX veka: ponâtie, granicy, specifika. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 4, № 2 (62): 169–174 [Старикова, Л.С. (2015). «Легерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*, т. 4, № 2 (62): 169–174].
- Suhih, I. (1989a). «Èta tema prišla...». *Zvezda*, 3. (Online) <https://ru-prichal-ada.livejournal.com/452297.html> (dostup 11.08.2024) [Сухих, И. (1989a). «Эта тема пришла...». *Звезда*, 3. (Online) <https://ru-prichal-ada.livejournal.com/452297.html> (доступ 11.08.2024)].
- Suhih, I. (1989b). «Èta tema prišla...». *Zvezda*, 3. (Online) <https://ru-prichal-ada.livejournal.com/452376.html> (dostup 11.08.2024) [Сухих, И. (1989b). «Эта тема пришла...». *Звезда*, 3. (Online) <https://ru-prichal-ada.livejournal.com/452376.html> (доступ 11.08.2024)].
- Šalamov, V.T. (1978). *Kolymskie rasskazy*. London: Overseas Publications Interchange LTD [Шаламов, В.Т. (1978). *Колымские рассказы*. Лондон: Overseas Publications Interchange LTD].
- Tolstaâ, A.L. (2001). *Doč'*. Moskva: Vagrius [Толстая, А.Л. (2001). *Дочь*. Москва: Вагриус].
- Uskov, N.F. (2014). *Neizvestnaâ Rossiâ. Istorîâ, kotoraâ vas udivit*. Moskva: Èksmo [Усков, Н.Ф. (2014). *Неизвестная Россия. История, которая вас удивит*. Москва: Эксмо].
- Wedemann, M. (2010). *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.